

Гарри и Дамблдор некоторое время сидели молча. Осознание того, что произойдет дальше, постепенно оседало на Гарри в эти долгие минуты, как мягко падающий снег.

«Я должен вернуться, не так ли?» - спросил он, взвешивая в уме откровения этого дня.

«Это зависит от тебя», - ответил Дамблдор.

«У меня есть выбор?»

«О да». Дамблдор улыбнулся ему. «Это Кингс-Кросс, говоришь? Я думаю, если бы ты решил не возвращаться, ты мог бы... скажем так... сесть на поезд».

Гарри задумчиво кивнул. «И куда бы он меня отвез?»

«Дальше», - просто ответил Дамблдор.

Снова повисло молчание, пока Гарри размышлял, как задать следующий вопрос. «У Волан-де-Морта есть Бужинная палочка».

«Верно. Волшебная палочка у Волан-де-Морта».

«Но я его хозяин», - продолжил Гарри, вспоминая, как палочка Дамблдора по дуге летела над крепостными стенами под тошнотворным сиянием Черной метки, и как окровавленная рука Драко вырывала палочки из рук другого волшебника.

«Только до тех пор, пока ты не будешь побеждён, Гарри, - напомнил ему Дамблдор, бросив проницательный взгляд поверх очков-полумесяцев. «Если ты не вернешься...»

Гарри покачал головой. «Я не это имел в виду», - сказал он. «Я имею в виду, что прямо сейчас, в эту минуту, я - Хозяин всех трех Даров. Как ты сказал, я настоящий Мастер Смерти».

«Потому что истинный Мастер не стремится убежать от Смерти», - осторожно ответил Дамблдор, повторяя про себя.

В ярко-голубых глазах Дамблдора не было и намека на блеск; казалось, он был озадачен ходом мыслей Гарри. Странно, но от этого у Гарри немного отлегло от сердца: сколько бы старик ни видел, сколько бы ни планировал, ни замышлял и ни предсказывал, он не мог знать всего. Гарри не мог ненавидеть профессора за то, что тот с ним сделал - как оказалось, другого способа победить Волан-де-Морта не было, - но какая-то часть его души всё ещё возмущалась тем, как его с самого начала лепили и формировали для мученичества, и жалела, что ему не дали сделать свой собственный выбор.

Возможно, он не всегда был самым зрелым волшебником, но он никогда не был ребёнком, не таким, каким его хотел видеть профессор, и из-за его невежества на этом пути пострадало или погибло столько людей. Стольких болей можно было бы избежать, если бы он знал, что делать с самого начала.

«О, я не убегаю от этого», - язвительно скривив губы, сказал Гарри. «Мне просто интересно, должен ли я вернуться к тому моменту, когда был проклят? Или действительно есть какая-то дополнительная польза от овладения всеми тремя Дарами, а не только одним или двумя? Я, конечно, не неуязвим, но... могу ли я выбирать, когда проснуться?»

Дамблдор нахмурился. «Дары Смерти не были едины со времен смерти братьев Певерелл», - ответил он. «Я не исключаю такой возможности, даже если это не было первоначальным намерением. Мы говорим о глубокой, неизведанной магии; как вы уже поняли, на таком уровне воля важнее слов. Однако я не понимаю, почему вы хотите отложить свое воскрешение. Неизвестно, что может случиться, пока ваше тело лежит без дела; вы можете вернуться в него через полчаса после встречи с Волан-де-Мортом и обнаружить Хогвартс в руинах у его ног».

«Я не это имел в виду». Гарри покачал головой, затем глубоко вздохнул. «А что, если я хочу пойти не вперед, а назад?»

Дамблдор на мгновение замолчал; он выглядел очень серьезным. «Гарри, ты же знаешь, что риск путешествий во времени очень велик».

«Я думал об этом», - настаивал Гарри. «Я не раз задумывался о том, что было бы, если бы я украл Маховик Времени из Министерства Тайн, когда мы отправились туда на поиски Сириуса. Видите ли, проблема с возвращением в прошлое заключается в том, что, изменив что-то, вы можете помешать себе вернуться в прошлое, а это создаст парадокс, так что я все равно не смог бы сделать ничего полезного с таким прибором. Но это - я бы не отправил назад ничего физического. Только свою душу. Это было бы похоже на пробуждение после очень долгого видения, совсем не похоже на путешествие во времени, правда».

Дамблдор задумался. «Почему вы решили, что это возможно?»

«Мерлин, вообще-то», - сказал Гарри, пожав плечами. «В некоторых легендах Маглов говорится, что он жил в обратном времени. Я не знаю, правда ли это - я никогда не читал волшебную версию, - но Гермiona говорит, что легенды всегда имеют под собой какую-то основу. Мне просто показалось, что есть способ отправить информацию назад, не совсем чтобы избежать смерти, но чтобы отменить некоторые страдания, которые произошли на этом пути. Как вы сказали: «В мире живых есть вещи гораздо хуже, чем смерть».

И я и мои друзья повидали их с лихвой, - он не добавил, но был уверен, что профессор понял.

Дамблдор медленно кивнул. «И из-за того, как ты попал в это место, ты вернешься без фрагмента души Волан-де-Морта, из-за которого тебе пришлось так много страдать. Я понимаю тебя, мой мальчик, но должен предупредить, что такой путь будет сопряжен с еще большей

опасностью, чем простое возвращение сейчас, и я не могу сказать тебе, что может произойти, если ты снова попадешь в это время».

Гарри на мгновение задумался обо всём, что может пойти не так, обо всех победах и трагедиях, которые будут отменены, обо всех Крестражах, которые ему придётся искать снова. Затем он представил лицо Седрика, застывшее в предсмертной судороге; глаза Сириуса, широко раскрытые от шока, когда он провалился в пелену; самого Дамблдора, падающего с Астрономии; глаз Грозного Муди, установленный как трофей в Министерстве Волан-де-Морта; клыки Нагини, пронзающие шею Снейпа; Фреда, Люпина и Тонкс, растянувшихся в Большом зале; Невилла, несущего маленького Колина Криви...

«Оно того стоит», - сказал он, полный убежденности. Неважно, что с ним случилось. Он уже примирился с необходимостью своей смерти. Но остальные заслуживали большего.

«Очень хорошо. Я бы только посоветовал вам, если все получится, найти кого-нибудь надежного, кому можно довериться, и очень тщательно выбирать момент. Я не верю, что ты сможешь вернуться назад дальше того момента, когда ты впервые овладел халлоу - в твоём случае, плащом твоего отца, - но ты должен быть в состоянии выбрать любой момент между тем и этим».

Чувство неверия на мгновение охватило Гарри, и он потерял дар речи. Почему-то, несмотря на то, что за последние два года его интуиция часто оказывалась верной, он не верил, что такое возможно. Но если Дамблдор был прав, то у него действительно был шанс сделать это. Он мог снова стать одиннадцатилетним, вернуться туда, где все началось.

Как он мог устоять? Гермиона снова отругала бы его за комплекс героя, но он был такой же частью его самого, как цвет его глаз.

Еще одна боль пронзила его: он столько всего пережил с Роном и Гермионой, и никто из них ничего этого не помнит. Они не будут помнить, кем они были для него, или друг для друга, или чему они научились; они будут просто парой одиннадцатилетних волшебников, чьим величайшим триумфом была победа над горным троллем. Джинни больше не будет той пылкой девушкой, которую он любил; она снова станет маленькой девочкой, слепо влюбленной в героя волшебного мира. Сможет ли Гарри сделать это без ее поддержки?

Он тяжело сглотнул. Конечно, он мог. Он должен был. И даже если это будут не те люди, на которых он так полагался последние шесть лет, они все равно будут рядом. Они по-прежнему будут его друзьями. Он просто должен был убедиться, что они станут теми, кем, как он знал, они могут быть, вот и все.

Гарри глубоко вздохнул и снова кивнул Дамблдору, когда яркий туман снова наплыл на него, скрыв облик старика. «Спасибо вам за все, сэр», - сказал он.

Затем он закрыл глаза и сосредоточился на неиспользуемом классе, который он посетил во время первых рождественских каникул в Хогвартсе. Он не помнил точного момента, когда

впервые надел мантию, но помнил, что вскоре после этого посетил Зеркало Эриседы; помнил, как снял мантию, чтобы посидеть перед ним. Это воспоминание не раз всплывало в памяти во время его неудачных уроков Окклюменции два года назад; на нем было легко сосредоточиться.

Яркость вокруг него усилилась, а затем внезапно померкла. Он ощутил холод камня под внезапно подогнувшимися ногами, и его тело резко изменило пропорции. Неужели он стал меньше? Значит ли это, что он сделал это?

Гарри открыл глаза, и перед ним предстала знакомая огромная позолоченная рама, в которой стояли любовно улыбающиеся фотографии его родителей. Невольно навернулись горячие слёзы, и он глубоко вздохнул. Теперь он знал, чем они отличаются от настоящих, но не мог побороть тоску, которую испытывал каждый раз, когда смотрел на них. Он потянулся к бокалу, снова заметив, как сильно он уменьшился, и молча пообещал им, что снова заставит их гордиться собой.

И тут позади него раздался голос, внезапный и неожиданный.

«Ну что, снова вернулся, Гарри?»

<http://tl.rulate.ru/book/121429/5078315>